

Татьяна Гржибовская

Поколение с сиренью

Татьяна Викторовна Гржибовская

Поколение с сиренью

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63627346
Поколение с сиренью: У Никитских ворот; Москва; 2020
ISBN 978-5-00170-175-0

Аннотация

«Поколение с сиренью» – романтики и энтузиасты, чьи детство и юность пришлись на годы НЭПа, коллективизации, репрессий, великих преобразований и Великой Отечественной войны, годы восстановления страны из руин после великой Победы. И если прошлое, по словам Генриха Гейне, «родина души человека», то рассказы и воспоминания родных – путь на родину души для каждого из нас.

Предки автора этой книги – уроженцы теперешней Астраханской области. Летопись нашей многоликой страны с уникальной географией соткана из историй каждой отдельной семьи. Читатель, совершая путешествие во времени с героями этого повествования, возможно, ещё раз вспомнит с теплом и благодарностью своих близких и дорогих.

Содержание

Папа	6
«Це оны – павлушки»	7
Сводная семья	10
Дед Василь	12
«Невеста» деда Василия. Бабушка Полина	24
Конец ознакомительного фрагмента.	28

Татьяна Гржибовская

Поколение с сиренью

© Гржибовская Т.В., 2020

© Оформление. Издательство «У Никитских ворот»,

2020

* * *

*Поколению с сиренью
И с Пасхой в Кремле,
Мой привет поколению
По колёно в земле,
А сединами – в звёздах!
Вам, слышней камыша,
– Чуть зазыблется воздух –
Говорящим: ду – ша!*

<...>

*Вам, в одном небывалом
Умудрившимся – быть,
Вам, средь шумного бала
Так умевшим – любить!
До последнего часа
Обращённым к звезде –
Уходящая раса,
Спасибо тебе!*

Марина Цветаева

Папа

Мой папа, Скляров Виктор Васильевич, родился в 1926 году в СССР, селе Успенка Царёвского уезда Астраханской губернии, в коротком временном промежутке между двумя войнами – Первой мировой и Великой Отечественной. Сам он не был участником боевых действий, зато его память хранила рассказы отца, который был призван в Первую мировую, а горе Великой Отечественной он испытал на себе – подросток на начало войны, сам стал участником испытаний, выпавших на долю его страны. Он внёс свой вклад в Победу, работая модельщиком на военном заводе, и награждён медалью «За доблестный труд в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». В течение жизни к этой самой дорогой награде присоединились памятные государственные юбилейные медали к 50-летию, 60-летию и 65-летию Победы.

Папа часто рассказывал – о своём детстве, об отце, о местах, в которых родился и в которых побывал, о том, как сложились судьбы родных. И в этих рассказах, в судьбе его самого и всего многочисленного семейства Скляровых раскрывалась для меня уже не только история рода – история страны. И я всегда помнила эти папины рассказы. Они и моя история тоже.

«Це оны – павлушки»

Прадед Павло Скляр, по разным источникам, родом из Полтавской или из Сумской губернии. Предположительно, из несохранившейся деревни Скляры Кременчугского уезда. «Что такое скляр? Стекольщик». Родился он в начале XIX века. А в 1840-х прадед Павло переселился в село Успенка Царёвского уезда Астраханской губернии.

Ревизские сказки Астраханской губернии за 1858 год выдают среди других фамилию Скляров в селе Владимировка, что по соседству с селом Успенка, тогда известным как Нижний хутор. В этих же документах за 1835 год фамилии Скляров ещё нет.

Что представляла собой Успенка?

«Первые переселенцы в Нижний хутор, так раньше называлась Успенка, пришли из Полтавской и Харьковской губерний. Вот почему украинский язык послужил основой для местного диалекта. Нижний хутор существовал с 1750 года. В 1861 году в Нижнем хуторе при реке Ахтуба и озере Безымянном насчитывалось 53 двора, 212 человек мужчин и 214 – женщин. Примерно в 1885 году началось строительство церкви. Она была открыта 28 августа 1888 года в религиозный праздник Успения, отсюда и нынешнее название села. Население состояло, главным образом, из бедняков и

средняков. Были и зажиточные крестьяне, которые имели ветряные мельницы и маслобойни, имелись в селе кузница и литейный цех. Стояла даже целая улица амбаров, где хранили хлеб зажиточные крестьяне...»¹.

Папа говорил, что Скляровых было полдеревни. Что целую улицу из трёх в Успенке составляли дома братьев Скляровых. И двери не закрывались.

Было у деда Павло восемь сыновей – Павловичи, по фамилии Скляровы: Михаил, Иван, Николай, Павло, Кося, Стёпка, Алёшка. И ещё один, вроде Григорий. «Це оны – павлушки». Кося и Стёпка после 1860 года родились. Все остальные – раньше.

Все они были крепкими крестьянами. Имели стада коров, овец, выращивали пшеницу.

У Ивана Павловича были дети Костя да Пашка. У Николая Павловича родились Иван, Николай, Павло, Фёдор. У Павло были Фёдор и Дуся. От Алёшки пошёл Василь.

У Михаила Павловича – деда Михайло, он был старше всех «павлушков» – было трое детей: Василь Михайлович (1885), Прасковья Михайловна (1888), Кирилл Михайлович (1891).

У Кирилла Михайловича с женой Евдокией Петровной, в девичестве Гетманцевой, были дети: Мария, Афонь, Нико-

¹ Ахтубинский район: информационный бюллетень Ассоциации муниципальных образований Астраханской области. URL: https://mo.astrobl.ru/sites/default/files/u189/Bulletin_Ahtubinskiy_001.pdf.

лай, Пётр, Зина, Иван, Василий.

У Василя – моего деда, Василия Михайловича Склярова, – родились дети в двух браках. Первый брак был записан в метрических книгах Успенской церкви в 1905 году, жениху было 19 лет, невесте, Пелагее Назаровне Зубричевой, – 20. Пелагея Назаровна родила сыновей Василия (1906–1991) и Николая (1912–1942) и дочку Александру (1913–1916). Во второй семье родились Александра (1924–2011), Виктор (1926–2011), Мария (1929–2016), Антонина (1931–2017). Дед удочерил и приёмную дочку Стасю второй жены, её тоже звали Пелагея, по отчеству Пантелеевна, была она Яровой по первому мужу, в девичестве Калашниковой.

Семья получилась сводная.

Сводная семья

Разговаривали в семье на трёх языках. Русском, «хохляцком» и немецком. На немецком языке братья Василь и Кирилл Михайловичи обсуждали свои проблемы и говорили о том, о чём никому не надо было слышать. Уши были везде. Время было смутное, беспокойное, за неосторожное слово можно было поплатиться жизнью. На «хохляцком» общались по-семейственному.

Дед Василь часто шутил шуточки, сыпал прибаутками и напевал солдатские песни на певучем украинском.

Вот такие, к примеру:

*Деж мои чоботы,
Шо с кобылы,
Шо ж вы так не робыты,
Як робылы.
Деж мои чоботы,
Шо с бычка,
Шо ж они не роблют,
Як дочка́.*

Или:

*– Кашица ты нашица,
После тебя все солдатики*

Повыздыхали!!

– Как, как?

– Я, вашебродие, говорю:

После тебя все солдатики

Повыстрельнули².

Ещё вот так солдатики говорили:

«Отдать долг татарину» – сходить по нужде.

А вот ещё страшилка для детей:

Сидит дед на печи,

Сухарики сушит...

Он тебя задушит!

Папа разговаривал на чистейшем русском языке. Но часто по настроению и по поводу он использовал стишки и песенки своего отца.

² Подпрыгнули.

Дед Василь

Папин отец, Василий Михайлович Скляр, родился 22 апреля 1885 года. «Отец родился в один день с Лениным». Было время правления Александра III, «царя-миротворца», без войн и революций.

А 28 июня 1914 года 19-летний сербский националист Гаврило Принцип решил одним выстрелом освободить Боснию и Герцеговину из-под власти Австро-Венгрии. Ему «повезло», он не промахнулся, престолонаследник эрцгерцог Франц Фердинанд был убит. Начались разборки. Австро-Венгрия приписала Сербии причастность к убийству и решила отомстить за эрцгерцога войной. Германия поддержала Австро-Венгрию. Россия выступила в защиту Сербии и 30 июля 1914 года объявила мобилизацию, пытаясь охладить пыл Германии. Союзники Германия и Австро-Венгрия дали понять России, что не её это дело и без неё разберутся. Николай II в «порыве патриотизма» и в стремлении доказать Германии, что «мы не лыком шиты», подписывает 2 августа манифест о начале войны. Первая мировая началась. 38 из 59 стран, существовавших тогда, взялись за передел земного шара.

Дедушку Василия призвали на эту странную для России войну в начале августа 1914 года в пехотные войска 2-й армии генерала Самсонова. В самый разгар сельскохозяйствен-

ных работ. Было дедушке 29 лет. Дома остались жена и трое детей, младшей дочери чуть больше года. Жену и дочь дедушка больше не увидит никогда. Он говорил потом, что «непонятно было, за что воюем». Тем более это было непонятно крестьянам, которых оторвали от земли и от крестьянского труда.

Настроения, царившие в войсках, очень хорошо описывает А.А. Брусилов, один из самых известных русских генералов Первой мировой войны: «Сколько раз спрашивал я в окопах, из-за чего мы воюем, и всегда неизбежно получал ответ, что какой-то там эрц-герц-перц с женой были кем-то убиты, а потому австрияки хотели обидеть сербов. Но кто же такие сербы – не знал почти никто, что такое славяне – было также темно, а почему немцы из-за Сербии вздумали воевать – совершенно неизвестно. Выходило, что людей вели на убой неизвестно из-за чего, то есть по капризу царя... Солдат не только не знал, что такое Германия и тем более Австрия, но он понятия не имел о своей матушке-России. Он знал свой уезд и, пожалуй, губернию, знал, что есть Петербург и Москва, и на этом заканчивалось его знакомство со своим отечеством. Откуда же было взяться тут патриотизму, сознательной любви к великой родине?!»...

Дед говорил, что винтовка была одна на двоих. Обмундирования не было. Есть было нечего. Дрались отчаянно, потому что закваска у русских мужиков такая. «Землю будто брусничным соком кто полил, столько было крови пролито».

Потом, в 1915 и 1917 годах, будут приказы о награждении деда солдатским Георгиевским крестом 4-й и 3-й степени.

В конце августа 1914 года после изнурительных переходов и кровопролитных боёв с частями австро-венгров и немцев в Польше, под городом Ольштын, дед Василь вместе с родственником первой жены Литвиновым попал в плен (их окружили в окопах, технология рытья окопов оставляла солдат незащищёнными) в числе многих и многих тысяч – это было первое поражение русской армии на Восточном фронте.

Документы свидетельствуют о том, о чём умолчал дедушка. Вот в каких боях он участвовал.

На Восточном фронте австро-венгры с юга, а немцы с севера готовились взять в клещи Польшу. В то же время теснимые врагом французы настойчиво требовали от России «сделать что-нибудь», чтобы избежать захвата Германией Парижа.

Началась операция русской армии в Восточной Пруссии, итогом которой должно было стать взятие Берлина.

В соответствии с разработанным планом 1-я армия (генерала Ранненкампа) должна была наступать с востока на запад севернее Мазурских озёр, связывая основные силы немцев и отрезая их от укреплённого района Кёнигсберга (ныне Калининград). 2-й армии (генерала Самсонова) предстояло, двигаясь с юга, обойти Мазурские озёра с запада и пе-

рекрыть германским дивизиям пути отхода к Висле. Клещи вокруг немцев должны были сомкнуться в 70 километрах от границы, в районе Алленштейна.

Военно-политический аналитик Алексей Храмчихин в статье «Первая мировая. Как русские под Ольштыном Париж спасали» пишет, что «... всё поначалу шло... по русско-му плану... Обе русские армии неторопливо, но уверенно продвигались вглубь Восточной Пруссии». Но при этом, как отмечает исследователь, генералы Ранненкампф и Самсонов практически не общались. Они не разговаривали. Они имели друг на друга «зуб» ещё с японской войны. В результате нескоординированных действий армии разошлись, между ними образовалась брешь, и этим воспользовались организованные немцы. Они начали атаки на фланги 2-й армии Самсонова с целью разгромить её. Сам Самсонов не владел ситуацией, так как фронт был растянут на 120 километров. «Разведка в армиях работала плохо. Обеспечение войск было на нуле. Радиограммы не шифровались и перехватывались немцами».

В результате войска 2-й армии генерала Самсонова им же самим были отправлены в котёл окружения в районе города Алленштейна в Восточной Пруссии, после войны и передела территорий – Ольштын в Польше.

Алексей Храмчихин подводит печальный итог операции: «Русские войска были предельно измотаны, а начавшееся отступление полностью их деморализовало. 30 августа кольцо

окружения замкнулось окончательно. Оказавшийся вместе с армией в „котле“ Самсонов, храбрый и честный человек, но бездарный командующий, застрелился».

Ранненкампф мог бы помочь тем, кто оказался в окружении, – его армия находилась в 50 км от Грюнфлиссского леса, где терпела гибель армия Самсонова, но он этого не сделал.

О дальнейших событиях можно узнать из доклада комиссии, созданной для расследования обстоятельств поражения армии Самсонова, которую возглавлял генерал А.И. Пантелеев. В этом докладе так описывается судьба центральных корпусов 2-й армии:

«Когда к вечеру 16 (29) августа остатки... корпусов втянулись в Грюнфлиссский (Кальтенборнский) лес, то здесь все части окончательно перемешались, всякое командование было утрачено и все попытки пробиться через огневое кольцо совершались уже без плана и управлений. После нескольких безуспешных попыток пробиться остатки... корпусов частью рассыпались, частью разбились на отдельные группы, которые, не находя свободного выхода из леса, стали постепенно сдаваться неприятелю в плен. Из числа наиболее крупных групп, сдавшихся неприятелю в плен, по показанию свидетелей, были: смешанная толпа разных частей в несколько тысяч человек, среди коих были генералы...»

В общей сложности столкновения на путях отхода центральных корпусов 2-й армии причинили окружённым огромные потери. На полях боев было похоронено 6739 рус-

ских бойцов. По германским данным, в плен попали 15 генералов, 1830 офицеров и 91 400 солдат, взято 350 орудий. Свои потери германцы оценивали в 1891 убитого, 6579 раненых, 4588 пропавших без вести (в т. ч. 55 чел. в плену) и 16 орудий».

Есть и другие данные по числу пленных. Так, в «Журнале Московской Патриархии» за май 2006 года читаем официальные цифры: «в результате боев в Восточной Пруссии более шестидесяти тысяч русских солдат оказались в плену».

Германия так увлеклась разгромом самсоновской армии, что оттянула части армии от Парижа. В результате катастрофа русской армии обернулась спасением для парижан.

Крушение русской армии под Ольштыном – немцы нарекли его битвой при Танненберге – нашло отражение в произведениях Валентина Пикуля, в романе «Честь имею!», и Александра Солженицына, в романе «Красное колесо». У каждого из них свой взгляд, своё представление об этой трагедии.

Я верю деду, верю его скупым словам, верю ему, как очевидцу. Снова возвращаюсь к дедушкиному повествованию.

Год дедушка провёл в лагере для военнопленных в Германии, где кроме русских было много французов, поляков. «Работали много, а еда составляла на день 200 граммов хлеба и стакан воды». Дед совсем «дошёл», и его родственник Литвинов тоже. Французам, например, присылали посылки с

ветчиной, сахаром, галетами, конфетами, чаем и монетами – золотыми и серебряными. Им с Литвиновым никто ничего не присылал, да и вряд ли кто знал, где они. «Россия своих людей не считала и о них не переживала».

Дед выжил благодаря своему мастерству. Он делал кольца (украшения) французам из монеток. Они удивлялись, как это ему удавалось без каких-либо инструментов (дед гнул кольца пальцами), и подкармливали его за работу. Сколько ещё пришлось бы провести в лагере – неизвестно, если бы не пришёл один немецкий бюргер, чтобы подыскать себе работника из пленных. Выбрал он деда Василия за недюжинную силу и выносливость, забрал его к себе рабочим в дом, с проживанием. Ферма и лагерь были в районе города Висбадена. Папа это слово слышал в речи отца много раз, когда тот разговаривал с дядькой Кириллом на немецком. Это был 1915 год. Может, бюргер жизнь деду спас тем, что забрал к себе в работники.

Деду было тогда тридцать лет. Он был заморожён уровнем жизни немцев, причём средних по зажиточности. «Дорожки асфальтовые, дома кирпичные с черепицей, ни лопат, ни тяпок – всё механизировано. Маслобойки, станки... Всё у них в Германии было не так, как в России, – кругом цветы, клумбы, дорожки выложены плиткой».

Дед проработал у фермера три года, до 1919-го. К тому времени Российская империя была свергнута революцией 1917 года, Россия уже погружалась в пучину гражданской

войны.

Дедушкины скупые рассказы подтверждаются современными документами. Вот что пишет «Журнал Московской Патриархии» о положении пленных Первой мировой войны в Германии и об отношении к ним:

«...Неготовность России к войне проявилась не только в катастрофическом недостатке вооружения, боеприпасов и обмундирования, но и в отсутствии налаженной статистики. В российской армии имела место чрезмерная засекреченность данных о потерях и плене. ...С самого начала войны эта тема в русской печати была полузапретной, а уже к концу 1914 года стала строго цензурной: любое упоминание о взятых в плен русских солдатах и офицерах строго вымарывалось. Секретный указ Московского градоначальника запрещал любые воззвания в защиту пленных, публичный сбор денег для них и прочее. ...Единственной официальной структурой, которая занималась вопросами военнопленных, было Центральное справочное бюро при Российском Обществе Красного Креста (РОКК) в Петрограде. Но в отношении нижних чинов до конца 1915 года регистрация вообще не велась. ...Лагеря военнопленных строго делились на офицерские и солдатские. В первых условия содержания были сносными и даже удовлетворительными: некоторые группы русских офицеров размещались в старинных замках и даже в зданиях бывших санаториев и пансионатов, как, например,

в городе Аугустабаде. В солдатских лагерях ситуация была иной. Русский эмигрантский писатель Р.Б. Гуль, оказавшийся в Германии в 1919 году в положении беженца, в романе „Жизнь на фукса“ описал положение русских солдат, сидевших в первые годы плена в концентрационном лагере Дебериц под Берлином. За решеткой и колючей проволокой, которыми была обнесена „большая площадь земли с дощатыми бараками“, – писал Гуль, – стоял „лесок русских крестов тысяч в семь. Надписи на крестах были аккуратны. Обозначали унтер-офицера, ефрейтора, рядового. Все они умерли от того, что питались брюквой и непосильно работали“. Очень показателен диалог, состоявшийся у автора с пленным русским солдатом: „Неужели ж, земляк, вам никто ничего так и не присылал из России – ни при царе, ни при Керенском?“ – „Как есть ничего. Ни одной соринки“. – „Да как же вы жили?“ – „Так в холуях у французов да англичан и жили, сапоги им чистили, дела за них справляли, а они за это в морду галетами швыряли... Дохли, как мухи, от немецкой собачины да от брюквы – вот и крутились...“ ...А из России были запрещены к пересылке в лагеря военнопленных даже сухари. ...Сестры милосердия заявили о недостаточности питания военнопленных, чрезмерно жестоким обращении администрации лагерей с ними. Только к моменту начала инспекционных поездок в лагерях Германии санитарные условия стали „превосходными“, но до лета 1915 года практически ни в одном лагере не было бань. ...Как правило, военно-

пленные размещались в землянках, деревянных или дощатых бараках без пола и почти без печей, иногда – из рифленого железа. В подавляющем большинстве лагерей отсутствовали отопление, освещение, вентиляция, часто – окна. Эпидемии, скудная еда приводили к высокой смертности, люди спали на прогнившей соломе, зараженной грибком, высока была скученность. Пленные ели отбросы, которые находили в мусорных ящиках, хлеб им выдавался негодного качества, с примесью всякого „снадобья“, включая деревянные опилки. Частыми были случаи смерти от голода. Ни в одном из лагерей принятые германским и австрийским командованием нормы продовольственного обеспечения не соблюдались. . . . В Чрезвычайной следственной комиссии сохранилось такое письмо, пришедшее из Германии: „Мы, русские военнопленные в Германии, со слезами молим нашу матушку родимую не забывать своих сынов, томящихся в неволе, терпящих в плену обиды и унижения, голод и издевательства. За тебя, ненаглядная, мы подвергаемся гонению, биению, у раскаленной печи стоянию, к столбу привязыванию, подвешиванию, на земле распинанию, собак травлению. . . . Многих ты, родная, увидишь в лике исповедников, мучеников за тебя, погибших не честною смертью в поле, а в бусурманской земле, не пожелавших отречься от тебя. Твои сыны остались верными тебе, родная, до конца. Но ты их не забывай, поддержи их хлебом; не дай им погибнуть от голода, мать родная, дай нам силы дожить, увидеть, взглянуть на тебя, нена-

глядная, Русь Святая! Просим с умилением тебя: помни своих сынов в неволе и в молитвах святых их помяни!“

...Кардинальные перемены в правовом и материальном положении военнопленных стали возможны только после октябрьского переворота.

...Восьмая статья мирного договора, подписанного в Бресте, также оговаривала отпуск всех военнопленных на родину. Несмотря на это решение, и в России и в Германии военнопленных до ноябрьской революции 1918 года в Германии удерживали на работах. ...В том, почему из 15,5 миллионов россиян (данные на начало 1917 года), мобилизованных на фронты Первой мировой войны, более 4 миллионов (около 29 %) оказались в плену, историки-специалисты почти разобрались. Значительно меньшее внимание было уделено судьбам тех, кто вынес все тяготы военного пленения не только в Германии и Австро-Венгрии, но и в других странах.

Вопрос об их судьбах и судьбах интернированных после репатриации в Россию практически не исследован. Эта задача не стояла перед российскими и советскими государственными и общественными структурами. По большей части их имена забыты».

К этому с горечью могу добавить, что мой дедушка как раз из тех, кто в списках не значится.

По сведениям рейхсвера, в годы Первой мировой войны в Германии находилось 1 млн 312 тыс. пленных россиян.

А вот как сложилась дальнейшая судьба деда.

«Возвращались домой пешком». Как дед говорил, у властей был расчёт на гибель в пути пленных Первой мировой – ни один поезд бывших пленных не брал. Дед на себе нёс инструменты и маслобойку.

А многие из тех, кто выжил в плену, остались в Германии после освобождения. Дед шёл домой, к семье и детям, в свою Успенку.

Вернулся, а дом без хозяйки. И дочка не выбежала отца встретить... Умерли они от тифа в 1916 году. Остались сыновья-подростки – Вася и Коля. Ещё дед Михайло с бабушкой – Васю с Колей они сохранили.

Ребят кормить надо. А тут – продналог. Надо сдавать масло, яйцо, мясо. А «если нет – купи, выменяй, но отдай. Последнее отдай». И по всей округе банды орудуют: «зелёные», «маслаковцы» – лошадей уводят, поля поджигают, подбивают крестьян против советской власти. Комиссары с мобилизацией наезжают. Белые мстят за лояльность к красным. И такая вот круговерть.

«Невеста» деда Василия. Бабушка Полина

Деду Василию было лет тридцать восемь – тридцать девять (это было году в 23–24-м), когда узнал, что осталась в соседнем селе «невеста» без мужа. Первого мужа Полины, Пелагеи Пантелеевны, в девичестве Калашниковой, – Даньку Ярового – в гражданскую войну беляки загоняли на льду лошадьми, до смерти застегали плетью: «не связывайся с красными».

«Невесте» было тогда лет двадцать восемь. И семья «невесты» – Калашниковы – была известна на всю округу. Как известен был герой поэмы Михаила Юрьевича Лермонтова «Песня про царя Ивана Васильевича, молодого опричника и удалого купца Калашникова» Степан Калашников. Глава семейства Калашников Пантелей Михайлович, мой прадед, был человеком почитаемым среди односельчан.

Если обратиться к сетевым источникам информации, можно прочесть, что «... фамилия Калашников представляет собой замечательный памятник славянской письменности и культуры. ... восходит к профессиональному наименованию Калачник, так в старину называли людей, которые пекли или продавали калачи. Позднее прозвище Калачник стало употребляться и по отношению к пекарю разных мучных изделий».

Во второй половине XIX века крестьяне из малоземельных районов России массово переселялись на юг, в Астраханскую губернию, где, по определению историков, «крепостничество российского типа было ничтожным», так как царское правительство было заинтересовано в освоении и заселении этой обширной приграничной территории.

В числе таких переселенцев, зажиточных крестьян и торговцев, был прадед Калашников Пантелей Михайлович (1865) и его брат, Калашников Степан Михайлович (1862). Поселились они во Владимировке Владимировского района (ныне г. Ахтубинск). Были раскулачены в начале 30-х годов.

Прабабушка Калашникова, жена прадеда Пантелея, «бабка Фёкла» (1867), долго жила в доме во Владимировке, не выходя из него месяцами и годами. Папа рассказывал, что, когда бы он ни прибежал к бабушке один или с мамой Полиной, она всё на печке лежит или сидит, «завсегда» доставала из-под подушки «угощеньице» для «внучка». Та к и «досидела бабка Фёкла на печке до 90 лет». У деда с бабушкой Калашниковых кроме дочери Пелагеи (Полины) были сыновья Данил и Проня.

Первым мужем бабушки Полины был Даниил Яровой. Мне он не приходился дедушкой, но рассказы моего папы о его героической смерти сделали и его членом нашей семьи. К тому же фамилия Яровой зачаровывала своей необычностью. Да и древностью. Предок первого мужа моей бабушки

Полины мог жить на «яру», мог быть «весенним, яровым, ребёнком», а мог быть «яровитым», вспыльчивым, человеком. С фамилией Яровой связана любопытная история писателя Константина Тренёва. Владимир Голяховский в книге «Путь хирурга: полвека в СССР: воспоминания» (2006) пишет о том, что пьеса «Любовь Яровая» 30-х годов о революции была любимой пьесой Иосифа Виссарионовича Сталина. По сюжету героиня Любовь Яровая происходит из дворян, но становится революционным деятелем. «Сталин обожал такие сюжеты», и по его указанию спектакль шёл во всех театрах страны. Автор пьесы «...Тренёв сказочно разбогател и построил в Ялте двухэтажную виллу» с оранжереей, мраморным бассейном. «Таких условий жизни в советской действительности мы себе не представляли».

Первый нарком просвещения РСФСР, академик АН СССР Анатолий Луначарский в своём отзыве о спектакле «Любовь Яровая» приводит слова известного литературоведа профессора Сакулина: «Здесь показана эпоха, словно в зеркале, разбитом на много маленьких осколков». Потому что «Любовь Яровая» – это произведение о разбитых судьбах, жизнях, надеждах, о самообмане, вольном и невольном предательстве, о слепоте и прозрении.

Когда мне довелось увидеть этот спектакль на сцене Малого театра в 1978 году с Юрием Соломиным в роли поручика Михаила Ярового, в «осколках» действия, в многочисленных ярких персонажах я узнавала и своего деда Ва-

сила Склярова, вернувшегося из германского плена после Первой мировой и попавшего в мясорубку гражданской войны, и его брата, дядьку Кирилла, искавшего правды у белых и у красных, и прадеда Пантелея Калашникова, кулака, на смерть стоявшего за свой кусок земли и нажитое добро, и бабушку Полину-Пелагею, надеявшуюся только на Господа Бога, и мужа её, красноармейца Даниила Ярового, принявшего смерть, но не отступившегося от своих принципов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.